

**Неизвестный писатель Н. П. Лебедев и его творчество:
к проблеме неучтённого в истории коми литературы**

В. А. Лимерова

*Институт языка, литературы и истории
Федеральный исследовательский центр Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
juva64@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена одному из забытых литераторов Коми края начала XX в. Николаю Павловичу Лебедеву и представляет собой первое литературоведческое исследование его творчества. Особое внимание уделено участию Н. Лебедева в отечественной литературной прессе, а именно – в журнале для низших военных чинов «Досуг и дело». Большая часть сочинений, опубликованных писателем на страницах «солдатского» журнала, близка к виду творчества, имевшего широкое распространение в среде коми-зырянской интеллигенции XIX в., – очерковой народоведческой прозе, выполнявшей сверхлитературные задачи изучения и описания различных провинций Коми края. В то же время, как показано в статье, народоведческий дискурс в текстах Н. Лебедева имеет свои особенности, связанные с нацеленностью журнала на интересы и возможности народного читателя. Выявляются авторский расчёт на занимательность фабулы, намеренная экзотизация изображаемого, сочетание знакомых сюжетов русского фольклора с коми-зырянской народнопоэтической традицией.

Цель: выявить особенности народоведческой прозы Н. П. Лебедева в аспекте формирования коми литературной традиции на рубеже XIX – XX вв.

Материалы исследования: корреспонденция журнала «Досуг и дело», очерки и рассказы Н. П. Лебедева.

Результаты и научная новизна. В ходе исследования осуществлён поиск и сбор выступлений коми писателя Н. П. Лебедева в российской печати 1900-х гг. Впервые проведён анализ его произведений, выяснены обстоятельства и особенности творчества. Проведённое исследование позволяет утверждать, что характер творчества Н. Лебедева в значительной степени определяется его участием в литературной периодике своего времени, адресованной низовой читательской публике. Писатель сознательно соотносит своё творчество с запросами читателя и прибегает к ряду художественных построений, поддерживающих интерес народной аудитории к чтению.

Научная новизна обеспечивается включением в исследовательское поле ранее неизвестного, но актуального в плане изучения истории коми литературы материала.

Ключевые слова: коми литература, феномен безвестного автора, Н. П. Лебедев, журнал «Досуг и дело», чтение для народа

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2022-0090 «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира».

Для цитирования: Лимерова В. А. Неизвестный писатель Н. П. Лебедев и его творчество: к проблеме неучтённого в истории коми литературы // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 4 (51). С. 686–694.

**Unknown writer N. P. Lebedev and his creative work: to the problem
of the uncouncted in the history of Komi literature**

V. A. Limerova

*Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center
Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
juva64@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to Nikolay Pavlovich Lebedev, one of the forgotten writers of the Komi of the early XX century. It is the first literary study of his creative work. Particular attention is paid to the participation of N. Lebedev in the domestic literary press, in the journal for the lower military ranks “Leisure and Affair”. Most of the writings published by the writer on the pages of the “soldier’s” journal are close to the kind of creativity that was widely spread among the

Komi-Zyryan intelligentsia of the XIX century – essay folk studying prose, which performed superliterary tasks in studying and describing various provinces of the Komi Krai. At the same time, the folk discourse in N. Lebedev's texts has its own peculiarities related to the journal's focus on the interests and opportunities of a reader. The author's estimation of a plot, the deliberate exotisation of the depicted, the combination of familiar plots of Russian folklore with the Komi-Zyryan folk-poetic tradition are revealed.

Objective: to reveal the features of N. P. Lebedev's ethnological prose in the aspect of the formation of the Komi literary tradition at the turn of the XIX – XX centuries.

Research materials: correspondence of the journal "Leisure and Affair", essays and stories by N. P. Lebedev.

Results and novelty of the research: in the course of the study, a search and collection of speeches by the Komi writer N. P. Lebedev in the Russian press of the 1900s is carried out. For the first time, an analysis of his works is carried out, the circumstances and features of his creativity are revealed. The research suggests that the nature of N. Lebedev's work is largely determined by his participation in the literary periodicals of that time, addressed to the lower reading public. The writer consciously aligns his work with the reader's requests and resorts to a number of artistic constructions that support the interest of the audience to reading.

Scientific novelty is ensured by the inclusion of previously unknown, but relevant material in terms of studying the history of Komi literature in the research field.

Key words: Komi literature, phenomenon of an unknown author, N. P. Lebedev, "Leisure and Affair" journal, reading for people

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Federal Research Center "Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", the state registration number of the project FUUU-2022-0090 "Komi literature: features of artistic reconstruction of the world picture".

For citation: Limerova V. A. Unknown writer N. P. Lebedev and his creative work: to the problem of the uncounted in the history of Komi literature // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (4/51): 686–694.

Введение

Отправным пунктом настоящей статьи является задача восполнения пробелов в истории коми литературы начала XX в. – периода, ознаменовавшегося появлением целого ряда писателей из среды интеллигенции Коми края, но малоисследованного и к настоящему времени нашедшего описание только в части творческого наследия крупных авторов К. Ф. Жакова и М. Н. Лебедева в трудах А. К. Микушева [16], Г. В. Беляева [1], П. Ф. Лимерова [11, 12], Е. К. Созиной [18, 19] и др. Между тем, воссоздание целостной картины дореволюционного этапа развития коми литературы требует освещения деятельности более широкого круга писателей, в том числе «второго эшелона», малоизвестных или вовсе забытых к настоящему времени. Необходимость такого подхода к материалу той или иной литературной эпохи, при котором учитывается совокупность разновеликих писательских индивидуальностей и явлений, нашла прочное обоснование в исследованиях отечественных учёных Ю. М. Лотмана [14], И. А. Гурвича [2], А. В. Чернова [21], С. И. Кормилова [6], закрепивших в литературоведении понятие «литературных рядов». Заполнению этой исследовательской лакуны в отечественной теоретико-литературной науке в значительной мере способствовали освоение творческого наследия «забытых авторов» [5], а также труды зарубежных учёных по проблемам функционирования массовой литературы:

работы П. Бурдые [23], Р. Эскарпи [25], П. Зима [27], Д. Фонданеш [26], Д. Куэнья [24] не оставили на сегодняшний день сомнений в том, что прогресс в литературе достигается усилиями разных по уровню дарования авторов. В то же время в деле изучения досоветской коми литературы эта бесспорная идея реализуется пока медленно и с трудом: в последние два десятилетия коми литературоведение решает не менее важную задачу исследования и переоценки творчества признанных классиков национальной литературы.

К числу незаслуженно забытых коми писателей, изучение творчества которых способно расширить и внести коррективы в наши представления о пути, пройденном коми литературой до 1917 г., можно отнести Николая Павловича Лебедева. Его произведения, публиковавшиеся на протяжении 1900-х гг. на страницах столичного журнала «Досуг и дело», более не издавались и со временем были утеряны читательской памятью. Что касается историко-литературной науки, имя Н. П. Лебедева ей было известно в связи с литературной деятельностью его сына – коми советского писателя Михаила Лебедева. Был известен и интерес Николая Павловича к писательству, но его творчество оказалось вне главных литературоведческих маршрутов и изучению не подвергалось. Настоящая статья представляет собой первый опыт исследовательского прочтения частью ранее известных, а частью установленных нами произведений Н. П. Лебедева.

Материалы и методы

Статья охватывает литературные сочинения Н. П. Лебедева о Коми крае, опубликованные в журнале «Досуг и дело» в 1904 г.: документально-художественный очерк «Зырянская свадьба», рассказы «Таинственная постройка дома» и «Хороший улов».

Исследование опирается на методы, ориентированные на изучение литературного процесса: культурно-исторический, историко-функциональный, контекстуальный, рецептивный.

Результаты

О Николае Павловиче Лебедеве известно немного. Отдельные сведения о нём содержатся в «Автобиографии» [7] его сына, коми писателя Михаила Лебедева. Однако приходится иметь в виду, что названный документ был составлен в 1939 г. по просьбе областного партийного руководства, и изложенная в ней информация очевидно прошла через фильтр надлежавшей для советского писателя биографии. Напомним, что к моменту написания упомянутой автобиографии М. Н. Лебедев оставался единственным нерепрессированным членом коми писательской организации. Ценой лояльности властей стал публичный отказ писателя от «идейных заблуждений» и дореволюционной части своего творчества. Под напором партийной литературной критики, объявившей его досоветский литературный опыт «целиком реакционным» [22, 4], М. Лебедев был вынужден согласиться с резко отрицательной оценкой своих дебютных сочинений, отнеся их к политически и художественно незрелым. В дальнейшем, в ситуации особой заботы государства об идейной и классово-чистоте новой коми литературы и её создателей, М. Лебедев выбирает тактику умолчания отдельных эпизодов своей биографии до 1917 года, в том числе – общие с отцом литературные интересы и публикации последнего в изданиях, причисленных в советское время к разряду консервативно-охранительной прессы.

Литературные начинания Н. П. Лебедева впервые стали известны коми учёному П. Г. Дорониному, который привлёк в поле исследования досоветской коми литературы переписку Михаила Лебедева с отцом. В статье 1961 г. «М. Н. Лебедев – творчество» («Творчество М. Н. Лебедева») П. Доронин называет три произведения Николая Лебедева: «Таинственная постройка дома», «Из турецкой петли к русскому боярству»,

«Счастье Бонапарта» [4, 61]. Ещё об одном произведении – очерке «Зырянская свадьба» упоминается в работах В. И. Мартынова [15, 128]. Он же указывает на исторический очерк «Зыряне», написанный Николаем Павловичем для Русского географического общества и хранящийся в архиве последнего. Сегодня этот список можно продолжить ещё двумя сочинениями Н. П. Лебедева – рассказами ««Хороший улов» и «Зырянский монастырь», обнаруженными нами в номерах журнала «Досуг и дело» за 1904 г.

Увлечение литературным творчеством у старшего Лебедева, по всей видимости, было недолгим, главным образом в период с 1903 по 1909 гг. Опираясь на его переписку с сыном, Г. В. Беляев объясняет причину охлаждения Николая Павловича к сочинительству тем, что в большинстве случаев тот получал отказы от редакций. «Сын ещё в юношеском возрасте превзошёл его» [1, 13], – считает исследователь. Можно согласиться с тем, что опыты Н. Лебедева не принадлежат к высоким достижениям художественного слова, но его скромная публикационная активность, на наш взгляд, объясняется и рядом других обстоятельств, в том числе несовпадением его писательских интересов с запросами литературных журналов того времени. Нельзя не заметить, что в большей части известных нам сочинений Н. Лебедев придерживается уже уходящего, мало востребованного читателем того времени вида литературной продукции. За исключением повестей «Из турецкой петли к русскому боярству» и «Счастье Бонапарта», известные нам тексты Н. Лебедева близки к документально-художественной модели народоведческого очерка, популярного как вид творчества в среде коми и в целом российской провинциальной интеллигенции XIX в.. Отвечая потребностям образованной части общества в научном знании о землях и народах России, эта синкретическая по своим задачам очерковая проза активно печаталась в местных и центральных изданиях, но к концу столетия заметно сдала свои позиции. Бурное развитие научного знания на рубеже XIX–XX вв. вызвало всплеск интереса читающей публики к научной повестке и, как следствие, появление нового жанра познавательной литературы – научно-популярного очерка, принявшего эстафету научного просвещения широких читательских масс. В ситуации научного бума пресса нуждалась в авторах, способных писать в научно-популярном формате. В частности, от автора-

народоведа теперь ожидалась не только позиция добросовестного наблюдателя, умелая подборка фактов из народной жизни, чем вполне мог ограничиться очеркист XIX в. [13, 328]), но и научное истолкование предьявляемого читателю материала. Думается, что Н. П. Лебедеву, писавшему о национальной окраине в очерковой манере, но при этом не ставившему перед собой задачи научного проникновения в материал, к тому же автору-провинциалу, было довольно сложно найти заинтересованное в его сочинениях издание. Таковым мог быть местный издатель, но своей печати Коми край в это время не имел.

Вопрос о том, с какими изданиями Н. Лебедев сотрудничал или пытался сотрудничать, требует дополнительного исследования. Из их возможного перечня сегодня нам известен журнал «Досуг и дело», предназначавшийся, как было указано в его подзаголовке, «для войск и народа». Журнал выходил «по Высочайшему распоряжению» и, в первую очередь, решал задачу просвещения и воспитания читательской аудитории в духе известной монархической триады «самодержавие, православие, народность», но на практике содержание номеров нередко выходило за пределы заявленной позиции. Редакции приходилось учитывать обстоятельство, на которое указывает И. А. Дергачев в одной из своих работ о Д. Н. Мамине-Сибиряке: к 90-м гг. XIX в. читательская публика уже была приучена к разнообразию информации [3, 7]. Значительное место в журнале занимали произведения, из которых можно было составить представление о нравах и обычаях разных народов. Обращает на себя внимание обилие рассказов о народных суевериях, гаданиях, колдовстве, вере в нечистую силу. Интерес к этой части фольклора руководство журнала объясняло задачей искоренять господствующие в народе предрассудки, но, судя по содержанию публикуемых произведений, немаловажное значение имело досуговое назначение такого чтения, т. е. занимательность сюжета и беллетризованная форма его реализации. Ничем иным нельзя объяснить то, что под видом противосуеверных сочинений журнал печатал и далёкие от позитивистского взгляда на народную фантазию произведения, такие как «Вий» и «Вечер накануне Ивана Купала» Н. Гоголя, «Морская царевна» М. Лермонтова и др.

Сочинения Н. Лебедева о Зырянском крае значительно выбиваются из общего народоведческого нарратива «Досуга и дела», поскольку

не имеют ни разоблачительной направленности, ни ожидаемого читателем романизованного сюжета, из которого, говоря словами одного из авторов журнала, «только и сыплется всякая невидальщина и небывальщина», «невероятные диковинки да похождения стародавние» [17, 6]. Ещё раз отметим, что, обратившись к инородческой теме, Н. Лебедев берёт на вооружение уже хорошо отработанные в этой области отечественной литературы (прежде всего, в народоведческом очерке XIX в.) принципы очеркового письма: он избегает фабульного вымысла и делает упор на фиксации лично наблюдаемой действительности. В то же время при выборе круга явлений народной жизни, который должен послужить ему материалом, Н. Лебедев руководствуется не столько интересом этнографическим, сколько ожиданиями редакции конкретно журнала.

Каковы же были эти ожидания? Поясним, что развёрнутой программы в традиционном для периодического издания виде журнал не публиковал, однако его общая концепция всё же была обозначена редакцией. Таким документом послужили «Солдатские заметки», принадлежавшие перу писателя и первого редактора журнала А. Ф. Погосского. Со свойственным народной речи остроумием, от имени человека, хорошо знающего ратную службу, А. Ф. Погосский рассуждает о том, какие истории интересно и полезно «читать служивому люду». «Дело известное, – пишет он, – истории про Бову-Королевича и про Еруслана Лазаревича ... хорошо порой послушать, всё равно, что в гости сходить, дива поглядеть» [17, 5]. Но «не худо», заявляет он, взглянуть на «обхождения вседневные», рассмотреть «труды и удовольствия служебные», потолковать по-товарищески «о таких предметах, как честь и оружие, вежливость и учтивость, знание и ремесло в солдатском деле» [17, 5]. И далее, размышляя о том, какое книжное слово близко и понятно народу, автор записок напоминает о самих условиях солдатского чтения: в распорядке ратной службы оно занимает краткое время отдыха, когда «вычищенная аммуничка отдыхает на колышках...», «когда «ружья к пёстрым сошкам прислонились...» и «барабан, как барин, в креслах, отдыхает...» [17, 7]. Иными словами, литература для солдатского, народного типа читателя, по мысли Погосского, должна давать умственную и нравственную пищу, т. е. служить делу, но одновременно быть

занимательной, пригодной для досуга. Именно эти взгляды Погосского, фактически резюмированные в названии «Досуг и дело», послужили в дальнейшем основой репертуарной политики журнала.

Н. Лебедев определённо ориентируется на вышеизложенные требования издания. Он пишет об отдалённой, мало известной для читателя провинции, т. е. рассчитывает на полезный в познавательном плане аспект своего сочинения, но в пространство описания вовлекает исключительно те фрагменты реальности, которые заведомо могут обеспечить занимательность чтения. Примером может служить очерк «Зырянская свадьба». Писатель предварительно называет свадебный обряд «интереснейшим моментом зырянской жизни» и лишь затем приступает к его подробному описанию. Выражению особенности, необычности свадебного игрища у зырян подчинена субъектная форма очерка. Рассказ ведётся от имени человека, впервые наблюдающего зырянскую свадьбу и, следовательно, акцентирующего внимание на самых оригинальных, необычных, с его точки зрения, эпизодах обряда и деталях предметного мира. Его внимание привлекают толпа жителей деревни, по какой-то неведомой для рассказчика причине пребывающая в безмолвии у крыльца дома невесты, несметное количество колокольчиков и разноцветных лент, украшавших свадебный поезд и «до которых зыряне большие охотники» [8, 109], подарки жениха невесте (шёлковая шаль, ботинки, зеркало, мыло и гребень), заплаканные глаза и выражающие глубокую печаль лица родственников и подружек невесты, «восседание» последней на свёрнутой шубе, причитания «об отце и матери, о сестрах, о братьях, о родственниках, о родительском крове, о печи и полатях, о сараях, хлевах, амбарах, погребях, овинах, о скоте, о собаке, кошках, курах и прочем» [8, 111], исполняемые от имени невесты профессиональной причитальщицей. Диковинными рассказчику представляются кипучая деятельность дружки, исполняющего роль распорядителя («Длинная плеть с большим узлом на конце, составляющая первостепенный знак его звания, то и дело мелькала в воздухе, ожигая не успевших посторониться перед шествием зрителей. В пылу своего усердия блюститель свадебного порядка не разбирает кого и куда хлестать плетью... Но возражений не раздаётся, потому – обычай» [8, 113]), необычное возвращение новобрачных с

венчания, их въезд в тарантасе по специальному скату на сеновал и многое другое, всё вместе составляющее необходимую принадлежность всех зырянских свадеб.

Благодаря подробному описанию обряда очерк Н. Лебедева заслуживает того, чтобы занять достойное место в ряду описаний коми свадьбы, предпринятых с этнографическими целями, но при этом всё же является произведением литературным, обладающим эстетическим началом. Последнее находит своё выражение в особом характере повествования, заключающемся в подвижности авторского слова между описанием и изображением. Отталкиваясь от задачи как можно более верно описать обычай, Н. Лебедев подробнейшим образом перечисляет действия свадебжан, детализирует предметно-вещную составляющую свадебного обряда. В результате такой этнографической точности происходит визуализация и оживление наблюдаемых сцен, появляется свойственная художественному тексту ритмизация изображаемого. Вот один из таких фрагментов: «Молодых людей родители невесты благословляли иконами и хлебом; молодые падали на колени и кланялись в ноги старикам... После благословения обручённых ввели за стол, точно на верёвочке: впереди шёл старший дружка, держа руку крёстного отца жениха, тот – руку крёстной матери, крёстная мать – отца жениха, тот – своей супруги, эта последняя держала руку сына, за которым в том же порядке следовала невеста; за невестой чинно уселись её домашние...» [8, 112]. Особую интригу для читателя создаёт речевое поведение рассказчика в тексте, который подробно описывает свадебное действо, но не считает нужным прибегать к каким-либо объяснениям происходящего.

Равновесное сочетание «досуга» и «дела», занимательности и информативности, очерково-документального изложения и художественного живописания наблюдается также в таких произведениях Н. Лебедева как «Таинственная постройка дома» и «Хороший улов». Первый из них имеет подзаголовок «Из зырянских преданий» и включает фольклорные сюжеты в авторском пересказе. Рассказчик, совершающий путешествие с верховьев Вычегды на Каму, не позиционирует себя ни исследователем, ни собирателем местного фольклора, однако сразу же при отплытии из села Керчомья – начального пункта своего путешествия – как бы попадает в пространство, которое хранит дух народного

предания. Вначале рассказчик уточняет своё географическое местонахождение, разъясняет маршрут путешествия, знакомит с нанятыми гребцами-зырянами и стоимостью их труда, описывает сборы к плаванию, – одним словом, подключает читателя в режим реального времени. Очевидная, сиюминутно постигаемая действительность воплощается в тексте и посредством многочисленных и, надо сказать, очень поэтичных картин прибрежной природы. Вместе с тем по мере движения путников вперёд, в рассказ о путешествии и в природоописание всё активнее включается мотив прошлого этих мест, связанный с преданием о шайке разбойников, которая некогда свирепствовала здесь, между верховьями Вычегды и Камы, и грабила купцов, перевозивших товары на речных судах. По пути зыряне-гребцы привлекают внимание рассказчика к ландшафтными объектам, которые служат для них своего рода маркерами достоверности повествуемых событий, особенно – к лысой, напоминающей сахарную голову горе. Наконец, вступает в свои права само предание. В кратком изложении его сюжет таков: незадолго до того, как появилась Екатерининская Канава (так коми-зыряне называют Северный Екатерининский канал), обосновалась на Северной Кельтме шайка разбойников во главе с беглым польским паном-атаманом Съёд Кырнышем (Чёрным Вороном). Много торговых караванов разграбила, много купеческих душ погубила эта шайка, но бедных людей не трогала, даже помогала. Оттого и не обижались зыряне на Съёд Кырныша и даже дали ему зырянское имя. Одно только страшило их в Съёд Кырныше: он умел тёмной силой управлять, и сам «чёрный, мохнатый, с рожками на лбу» на службе у него состоял, поклонны ему отвешивал. Однажды атаман попросил чёрта выстроить дом: разбойники плотницким искусством не владели, жили в шалашах. И вот за одну ночь на горе поднялся невиданный в этих местах домище, «что дворец»: «с такими высокими окнами, каких у священника в ту пору не было; крыша тесовая, крашеная, трубы выбелены; каждое бревно гладко выстрогано...!» [9, 116]. Но однажды к становищу шайки в купеческих паузах приплыли солдаты. Разбойники попались. Атаман погиб первым: ударил себя в грудь ножом. И тут же его дом вспыхнул, сгорел дотла, словно ворох сухого сена. Душа Съёд Кырныша осталась на Кельтме, летает по здешним местам, пугает добрых людей. А на месте

дьявольского дома образовался лысый, лишённый растительности холм. По объяснению местных жителей, «земля-мати опоганилась ... от адова творения, потому и шабаш, никакой поросли нет» [9, 113]. Согласно принятой в фольклористике классификации, рассказ о Съёд Кырныше относится к топонимическим преданиям, объясняющим характер и происхождение географических объектов. Однако в контексте сочинения Н. Лебедева оно прочитывается как предание разбойничьего цикла. Писатель делает акцент на ярком, экзотичном образе пана-разбойника, подавая портрет последнего в фокусе зрения проводников-туземцев: «Стоит на обрыве человек высокого роста, широкоплечий, тучный, а лицо у него такое широкое, красное, сердитое. И усы до груди висят, а глаза, как угли, сверкают. На боку у него огромная сабля болтается, а в обеих руках по пистолету...» [9, 115]. Поразительна в воображении зырян и роскошь сказочного разбойничьего дома, в два этажа, с позолотой, резьбой, картинами и зеркалами. Сегодня сложно установить фольклорную подлинность рассказанной Лебедевым истории: во всяком случае, идентичного предания в опубликованных собраниях коми фольклора нет. Однако рассматриваемый нами текст свидетельствует о том, что писатель был знаком с народной прозой и осознанно обратился к самому колоритному в плане героя типу предания. Польский пан-разбойник Съёд Кырныш из рассказа Н. Лебедева может быть поставлен в один ряд с другими героями-чужеземцами коми преданий (Кёрт Айка, Сэпö (Степан), купец Суханов и др.), которым народная фантазия приписывала сверхчеловеческие, чародейские качества. Источником образа Съёд Кырныша для писателя также могли послужить многочисленные русские предания о благородных разбойниках. Как отмечает исследовательница народной исторической прозы В. К. Соколова, в русских преданиях разбойничьего цикла, в том числе распространённых по Волге и Каме, «идейным стержнем являются формулы «обижал только господ, за народ заступался», «у богатых брал, бедным отдавал» [20, 149]. В коми фольклоре мотив такого социально-классового возмездия, каким является раздача награбленного среди бедняков, отсутствует. Представляется, что можно говорить о специальной, литературной, писательской задаче – создании занимательного, оригинального, отвечающего народным вкусам произведения путём синтеза двух фольклорных традиций, соединения документально-очеркового

описания реальных мест с романизированным изложением народного вымысла.

Н. Лебедев определённо стремится вызвать у читателя чувство удивления, объектом которого могут выступать не только затейливый сюжет народного предания или самобытный обряд, но и природный мир. Наблюдаемой в самые напряжённые, экстремальные моменты своего существования подаётся природа в рассказе «Хороший улов». Необычайно подробно передан момент приближения грозы: описание строится по принципу градации, содержит множество выражений, передающих чувственный контакт человека с действительностью: «... Сумерки густым мраком ложились на землю, темнота увеличивалась быстро... Над нами вдруг, совсем неожиданно, очутилась туча мрачная, суровая. Тишина была невозмутимая. Громадные деревья фантастическими великанами выделялись на берегу. Ни одна ветка их не шевелилась. Не было слышно никаких звуков: всё как будто притаилось, присмирело пред грозным явлением природы. Воздух был тяжёл и удушлив... Молнии пока не было; громовые удары повторялись один за другим. Но вот блестящим зигзагом сверкнула над нашими головами ослепительная полоска, обдав нас ярким блеском; страшно оглушительный удар в ту же секунду загромыхал над нами и зарокотал по лесу... Удары грома быстро следовали один за другим; могучие звуки их неумолчно, как волны, переливались в воздухе» [10, 53–54].

Другая часть произведений Н. Лебедева, написанная в жанре повести, ориентирована на традиции авантюрно-приключенческого направления русской исторической беллетристики (произведения Н. В. Кукольника, В. В. Крестовского, М. Н. Волконского, др.). Как известно, с конца XIX столетия в среде русской интеллигенции активно обсуждался вопрос о литературе и книгоиздании для народа. Типом произведения, способным воспитать в народе потребность к чтению, в числе других представлялся исторический жанр, одновременно

служивший, по мнению литературной общественности, источником развлечения и знания. Историческая тема занимала значительное место и в журнале «Досуг и дело», поэтому вполне возможно, что повести «Из турецкой петли к русскому боярству» и «Счастье Бонапарта» были написаны Н. Лебедевым с расчётом на публикацию на его страницах.

Обсуждение и заключение

Известное на сегодняшний день литературное наследие Н. П. Лебедева не велико по объёму и, если принять деление литературы на репутационные ряды, принадлежит к литературной продукции второго ряда или массовой беллетристике. Однако в контексте истории коми литературы огромное значение имеет сам факт его литературной деятельности, свидетельствующий о формировании литературно-творческих сил в национальной российской провинции 1900-х гг. Литературные опыты Н. П. Лебедева в жанрах прозы отчётливо отражают процесс перехода краевого писателя от преимущественно просветительских задач творчества к собственно литературным, связанным в том числе с таким родом читательских ожиданий как гедонистическое удовлетворение, развлечение. Решающим фактором этого перехода является участие писателя в центральной литературной периодике, адресованной низовому читателю. Очевидной ориентацией на народную читательскую среду определяются такие свойства произведений Н. Лебедева как внимание к наиболее самобытным явлениям народной культуры, занимательный сюжет и экзотизация изображаемого, использование потенциала популярных устнопоэтических жанров и литературная адаптация сюжетов коми фольклора к читательским вкусам и возможностям. Представляется, что именно контекст и специфика литературы для народного чтения являются перспективным направлением дальнейшего и более полного изучения творчества Н. П. Лебедева.

Список источников и литературы

1. Беляев Г. В. Знакомство продолжается // Лебедев М. Н. В волостном омуте. Повести, рассказы, статьи. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. С. 5–23.
2. Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1991. 91 с.
3. Дергачёв И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 224 с.
4. Доронин П. Г. М. Н. Лебедевлён творчество // Войвыв кодзув. 1961. № 4. С. 61.
5. Забытые писатели: Сб. научных статей. Вып. 2. / Сост. и ред. Э. Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2021. 360 с.

6. Кормилов С. И. От классики до китча: терминологические проблемы разграничения «рядов» художественной словесности // Забытые и второстепенные писатели XVII – XIX веков как явление европейской художественной жизни. Материалы международной конференции. Т. 1. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2002. С. 3–16.
7. Лебедев М. Н. Автобиография // Лебедев М. Н. Бөрйөм гижөдьяс. Сыктывкар: Коми госиздат, 1940. С. 17–25.
8. Лебедев Н. П. Зырянская свадьба // Досуг и дело. 1904. № 3. С. 109–117.
9. Лебедев Н. П. Таинственная постройка дома // Досуг и дело. 1904. № 10. С. 100–118.
10. Лебедев Н. П. Хороший улов. Рассказ из охотничьей жизни в Зырянском крае // Досуг и дело. 1904. № 3. С. 41–59.
11. Лимеров П. Ф. Каллистрат Фалалеевич Жаков. Сыктывкар: Эском, 2021. 256 с.
12. Лимеров П.Ф. Нарративы христианизации в формировании коми литературной традиции в контексте русской словесности (XIV – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Сыктывкар, 2021. 57 с.
13. Лимерова В. А. На пути к национальной прозе. Жанровые модели документально-художественной словесности Коми края в XIX веке // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. Е. К. Созиной. Кн. 1. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 302–342.
14. Логман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Избранные статьи. Таллин: Александра, 1994. Т. 3. С. 380–388.
15. Мартынов В. И. Становление коми литературы. Идеино-эстетический аспект. М.: Наука, 1988. 232 с.
16. Микушев А. К. Каллистрат Жаков – российский писатель, этнограф, фольклорист // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: Сб. статей. Ижевск: ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 180–200.
17. Погосский А. Ф. Солдатские заметки // Досуг и дело. 1868. № 2. С. 3–42.
18. Созина Е.К. На границе культур и народов: феномен коми писателя Каллистрата Жакова // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в русской и центральноевропейской культурах: Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 107–126.
19. Созина Е. К. Символ и символизм в творчестве К. Ф. Жакова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 78–90.
20. Соколова В. К. Русская историческая проза. М.: Наука, 1970. 288 с.
21. Чернов А. В. Русская беллетристика 20-40-х годов XIX века: Вопросы генезиса, эстетики и поэтики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новгород, 1997. 41 с.
22. Юхнин В. В. М. Н. Лебедевлөн бөрйөм гижөдьяс // Лебедев М. Н. Бөрйөм гижөдьяс. Сыктывкар: Коми госиздат, 1940. С. 3–16.
23. Bourdieu P. Les règles de l'art: genèse et structure du champ littéraire. Paris: Seuil, 1992. 480 p.
24. Couégnas D. Introduction à la paralittérature. Paris: Seuil, 1992. 208 p.
25. Escarpit R. Sociologie de la littérature. Paris: PUF, 1958. 127 p.
26. Fondanéch D. Paralittérature. Paris: Viubert, 2005. 734 p.
27. Zima P. V. Pour une sociologie du texte littéraire. Paris: UGE, 1978. 373 p.

References

1. Belyaev G. V. *Znakomstvo prodolzhayeca* [Acquaintance is continued]. *Lebedev M. N. V volostnom omute. Povesti, rasskazy, stat'i* [Lebedev M. N. In the Volost. Novels, stories, articles]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1984. pp. 5–23. (In Russian)
2. Gurvich I. A. *Belletristika v russkoy literature XIX veka* [Fiction in Russian literature of the XIX century]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo otkrytogo un-ta Publ., 1991. 91 p. (In Russian)
3. Dergachev I. A. *D. N. Mamin-Sibiryak v literaturnom kontekste vtoroy poloviny XIX veka* [D. N. Mamin-Sibiryak in the literary context of the second half of the XIX century]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1992. 224 p. (In Russian)
4. Doronin P. G. *M. N. Lebedevlön tvorchestvo* [Creativity of M. N. Lebedev]. *Voyvyn kodzuv* [North Star], 1961, no. 4, pp. 61. (In Russian)
5. *Zabytye pisateli: Sb. nauchnykh statei* [Forgotten writers: Collection of scientific articles]. Comp. and ed. by E. F. Shafranskaya. Saint-Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., 2021. Iss 2. 360 p. (In Russian)
6. Kormilov S. I. *Ot klassiki do kitcha: terminologicheskiye problemy razgranicheniya "r'adov" hudozhestvennoy slovesnosti* [From classics to kitsch: terminological problems of delimitation of the "rows" of fiction]. *Zabytyye i vtorostepennyye pisateli XVII–XIX vekov kak yavleniye yevropeyskoy hudozhestvennoy zhizni. Materialy mezhdunarodnoy konferencii* [Forgotten and minor writers of the XVII – XIX centuries as a phenomenon of European artistic life. Proceedings of the International Conference]. Pskov: PGPI im. S. M. Kirova Publ., 2002. Vol. 1. pp. 3–16. (In Russian)
7. Lebedev M. N. *Avtobiografiya* [Autobiography]. *Lebedev M. N. Boryöm gizhodyas* [Selected Writings]. Syktyvkar: Komi gosizdat Publ., 1940. pp. 17–25. (In Russian)
8. Lebedev N. P. *Zyryanskaya svad'ba* [Zyryan Wedding]. *Dosug i delo* [Leisure and Affair], 1904, no. 3, pp. 109–117. (In Russian)
9. Lebedev N. P. *Tainstvennaya postroyka doma* [Mysterious construction of a house]. *Dosug i delo* [Leisure and Affair], 1904, no. 10, pp. 100–118. (In Russian)
10. Lebedev N. P. *Horoshiy ulov. Rasskaz iz ohotnich'yey zhizni v Zyryanskom kraye* [Good catch. Story from hunting life in Zyryan region]. *Dosug i delo* [Leisure and Affair], 1904, no. 3, pp. 41–59. (In Russian)

11. Limerov P. F. *Kallistrat Falaleevich Zhakov* [Kallistrat Falaleevich Zhakov]. Syktyvkar: Eskom Publ., 2021. 256 p. (In Russian)
12. Limerov P. F. *Narrativy hristianizatsii v formirovanii komi literaturnoi traditsii v kontekste russkoi slovesnosti (XIV – nachalo XX v.)* [Narratives of Christianization in the formation of the Komi literary tradition in the context of Russian literature (XIV – early XX centuries)]. Syktyvkar, 2021. 57 p. (In Russian)
13. Limerova V. A. *Na puti k nacional'noy proze. Zhanrovyye modeli dokumental'no-hudozhestvennoy slovesnosti Komi kraya v XIX veke* [On the way to national prose. Genre models of documentary and artistic literature of the Komi region in the XIX century]. *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.* [History of literature of the Urals. XIX century: in 2 books]. Ed. by E. K. Sozina. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2021. Book 1. pp. 302–342. (In Russian)
14. Lotman Yu. M. *Massovaya literatura kak istoriko-kul'turnaya problema* [Mass literature as the historical and cultural problem]. *Izbrannyye stat'i* [Selected articles]. Tallinn: Aleksandra Publ., 1994. Vol. 3. pp. 380–388. (In Russian)
15. Martynov V. I. *Stanovleniye komi literatury. Ideyno-esteticheskiy aspekt* [Formation of Komi literature. Ideological and aesthetic aspect]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 232 p. (In Russian)
16. Mikushev A. K. *Kallistrat Zhakov – rossiyskiy pisatel', etnograf, fol'klorist* [Kallistrat Zhakov – Russian writer, ethnographer, folklorist]. *Dooktyabr'skiye istoki mezhliteraturnoy obshchnosti Uralo-Povolzh'ya: Sbornik statey* [Pre-October sources of the inter-literary community of the Ural-Volga region: Collection of articles]. Izhevsk: IYaL UrO AN SSSR Publ., 1991. pp. 180–200. (In Russian)
17. Pogoskiy A. F. *Soldatskiye zametki* [Soldier's notes]. *Dosug i delo* [Leisure and Affair], 1868, no. 2, pp. 3–42. (In Russian)
18. Sozina E. K. *Na granice kul'tur i narodov: fenomen komi pisatelya Kallistrata Zhakova* [On the border of cultures and peoples: phenomenon of the Komi writer Kallistrat Zhakov]. *Na perekrestkah Vostoka i Zapada: problemy pogranich'ya v russkoy i central'noevropejskoy kul'turah: Sbornik statey* [At the crossroads of East and West: problems of the border in Russian and Central European cultures: Collection of articles]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2021. pp. 107–126. (In Russian)
19. Sozina E. K. *Simvol i simvolizm v tvorchestve K. F. Zhakova* [Symbol and symbolism in the works of K. F. Zhakov]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2018, no. 3, pp. 78–90. (In Russian)
20. Sokolova V. K. *Russkaya istoricheskaya proza* [Russian historical prose]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. (In Russian)
21. Chernov A. V. *Russkaya belletristika 20–40-h godov XIX veka: Voprosy genezisa, estetiki i poetiki* [Russian fiction of the 20–40s of the XIX century: Issues of genesis, aesthetics and poetics]. Novgorod, 1997. 41 p. (In Russian)
22. Yukhnin V. V. *M. N. Lebedevlön böryöm gizhödyas* [Selected works of M. N. Lebedev]. *Lebedev M. N. Böryöm gizhödyas* [Lebedev M. N. Selected works]. Syktyvkar: Komi gosizdat Publ., 1940. pp. 3–16. (In Russian)
23. Bourdieu P. *Les règles de l'art: genèse et structure du champ littéraire*. Paris: Seuil, 1992. 480 p. (In French)
24. Couégnas D. *Introduction à la paralittérature*. Paris: Seuil, 1992. 208 p. (In French)
25. Escarpit R. *Sociologie de la littérature*. Paris: PUF, 1958. 127 p. (In French)
26. Fondanéch D. *Paralittérature*. Paris: Viubert, 2005. 734 p. (In French)
27. Zima P. V. *Pour une sociologie du texte littéraire*. Paris: UGE, 1978. 373 p. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лимерова Валентина Александровна, старший научный сотрудник сектора литературоведения, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Коми Республика, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, каб. 619), кандидат педагогических наук, доцент по специальности «Литература народов России».

juva64@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3736-0934

ABOUT THE AUTHOR

Limerova Valentina Alexandrovna, Senior Researcher of the Sector of Literary Criticism, Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Communisticheskaya st., 26, office 619), Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor in the specialty “Literature of the Peoples of Russia”.

juva64@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3736-0934